

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

И.В. МАГИЛИНА

ПОСОЛЬСТВО МОНАХОВ-КАРМЕЛИТОВ В РОССИИ

Смутное время глазами иностранцев
1604—1612 гг.

Новейшие исследования по истории России

Инесса Магилина

**Посольство монахов-кармелитов
в России. Смутное время глазами
иностранцев. 1604-1612 гг.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 947.04
ББК 63.3(2)44-6

Магилина И. В.

Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604-1612 гг. / И. В. Магилина — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08145-2

Одной из главных проблем европейской международной политики рубежа XVI–XVII вв. было создание широкой антиосманской коалиции, важное место в которой отводилось России и Персии. Первоначально Россия выступала активным участником и посредником в переговорах между Западной Европой и Персией. Однако, заняв в 1598 г. царский престол, Борис Годунов все свои усилия сосредоточил на сохранении и усилении собственной власти, потеряв интерес к внешней политике. В сложившейся ситуации в 1604 г. Римская курия отправила в Персию собственное посольство, состоявшее из монахов-кармелитов. Маршрут посольства лежал через территории Речи Посполитой и России. Папские дипломаты оказались участниками событий, связанных с неожиданной смертью Бориса Годунова и «восшествием» на престол Рюриковичей Лжедмитрия I. Кармелиты были единственными дипломатами-европейцами, ставшими непосредственными свидетелями русской Смуты. Из-за междоусобицы и беспорядков им удалось добраться до Персии лишь в 1608 г. Несмотря на все тяготы и испытания, кармелиты подробно описывали все события, свидетелями и участниками которых им пришлось быть. Записки кармелитов – бесценный источник, отразивший события Смутного времени в России.

УДК 947.04
ББК 63.3(2)44-6

ISBN 978-5-227-08145-2

© Магилина И. В., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение	7
Глава 1. «Восточный вопрос» в международных отношениях и Русское государство на рубеже XVI–XVII вв.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Инесса Магилина
Посольство монахов-кармелитов
в России. Смутное время глазами
иностранцев. 1604-1612 гг.

© Магилина И.В., 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Посвящается памяти Анны Леонидовны Хорошкевич

Введение

Одной из главных международных проблем рубежа XVI–XVII вв. являлось создание антиосманской коалиции, или лиги¹. Основной целью коалиции была разработка проекта совместных действий европейских государств по отражению османской агрессии на европейские территории. Вначале планировалось заключить военно-политический союз между Испанией, Венецией, Римской курией и Священной Римской империей. Однако установление торговых и политических контактов с Персией в конце XV в. позволило европейским правительствам осознать, что Османская империя может быть заблокирована как с запада, так и с востока. В этом случае османы, несмотря на свое военно-политическое могущество, не смогли бы вести войну на два фронта: против европейцев-христиан и персов-шиитов.

Переговорный процесс по созданию антиосманской коалиции можно условно разделить на три этапа. На первом этапе – 1453–1524 гг. – европейские государства, главным образом Венеция, пытались привлечь к союзу правителя туркманской племенной конфедерации Ак-Коюнлу Узун Хасана, а затем, после создания в 1502 г. единого Персидского государства, шаха Исмаила I Сефеви. На втором этапе – вторая четверть – начало 80-х гг. XVI в. – определились основные государства-участники и сочувствующие антиосманской коалиции. Несмотря на постоянно расширяющуюся османскую агрессию на европейские территории, включая астраханский поход Мехмед-паши Соколлу в 1569 г., коалиция не была оформлена международными соглашениями. Отличительной особенностью третьего периода – конец 80-х гг. XVI в. и до 1618 г., начала Тридцатилетней войны, – стала возможность вступления в антиосманскую коалицию Русского государства, Польши, Дунайских княжеств и балканских народов, находившихся под османским игом. Таким образом, из-за противоречий между европейскими государствами реализация идеи создания широкой антиосманской коалиции стала возможна лишь в 80-х гг. XVI в. Создание коалиции было первой попыткой формирования международных политических альянсов, состоявших из нескольких держав.

В конце 80-х гг. XVI в. Русское государство выступило активным участником антиосманского соглашения и главным посредником между Персией и Западной Европой в процессе заключения военно-политического союза. Участие в коалиции предоставляло Русскому государству шанс интегрироваться в европейское сообщество, возможность стать его полноправным членом, укрепить и, возможно, расширить свои южные рубежи. Международное положение Русского государства, его роль в международной политике конца XVI – начала XVII в. были обусловлены несколькими факторами. Во-первых – уровнем политической, экономической и социальной самостоятельности государства. Во-вторых – стремлением к признанию его суверенных возможностей другими европейскими и азиатскими державами. Третий фактор – геостратегическое положение (географическое расположение между Западной Европой и Азией и политико-стратегическое значение) Русского государства – влиял на политические и экономические взаимоотношения между европейскими и восточными державами. Четвертый фактор – независимость от ордынского владычества и сознание себя частью «поствизантийского мира»² – оказывал наибольшее влияние и определял главным образом восточную политику Русского государства до начала Тридцатилетней войны.

¹ Понятие «коалиция» и «лига» тождественны, но имеют качественное различие. Лига – это объединение (союз) организаций или государств, коалиция предполагает заключение союза между государствами для достижения определенной цели. В данном случае коалиция создавалась для борьбы с Османской империей. В документации XVI в. чаще употребляется термин «лига», хотя по практическому содержанию антитурецкий союз представляет собой именно «коалицию».

² Термин см.: *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 559.

Международная обстановка последнего десятилетия XVI в. была достаточно сложной, особенно для государств, имевших с Османской империей морские или сухопутные границы. Тринадцатилетняя война – «Долгая турецкая война» между Османской империей и Священной Римской империей – и активная внешняя политика шаха Аббаса I Сефеви способствовали созданию антиосманской коалиции. Русское государство выступало активным участником этого процесса и главным посредником в переговорах между Западной Европой и Персией. Однако с 1598 г., когда Борис Годунов из всесильного «царского конюшего» превратился в «Государя Всея Руси», он сконцентрировал все усилия на сохранении и закреплении царского достоинства за собой и своей династией, что отрицательно отразилось на переговорах по заключению антиосманского соглашения. В результате процесс по созданию антиосманской коалиции начал тормозиться.

В сложившейся ситуации, учитывая трудное положение Священной Римской империи, которая с 1593 г. воевала с османами, Римская курия решила взять инициативу в свои руки и отправить в 1604 г. в Персию на переговоры с шахом собственное посольство, члены которого одновременно являлись монахами-миссионерами и официальными послами папы Климента VIII. Римская курия нередко использовала монахов различных католических орденов в качестве послов в различные страны мира, в том числе и на Ближний и Средний Восток. В неспокойное время конца XVI – начала XVII в. подобного рода миссии были особенно актуальны. В данном случае выбор пал на «Орден Босоногих братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель». Официальной целью монахов-кармелитов было распространение католичества в Персии и сопредельных странах. Сан и миссионерская деятельность монахов считались хорошим прикрытием для выполнения дипломатических поручений.

Маршрут посольства, начавшийся в Риме летом 1604 г., проходил через территории Речи Посполитой и Русского государства, отношения между которыми были сдержанно-враждебными. Папские дипломаты оказались участниками событий, связанных с неожиданной смертью царя Бориса и «восшествием» на российский престол Лжедмитрия I. Монахи-кармелиты были единственными европейцами в статусе дипломатов³, оказавшимися в самом эпицентре русской Смуты. Вопреки всем тяготам и испытаниям, выпавшим на их долю, монахи подробно фиксировали, как в официальных отчетах, так и в дневниковых записях, все события, участниками которых им пришлось быть. «Записки» кармелитов далеко не беспристрастны и носят прокатолическую оценку событий, связанных с личностью и действиями Лжедмитрия и лояльных к нему представителей Русского государства. Несмотря на это, «записки» кармелитов являются ценным источником по истории как русской Смуты, так и внутренней и внешней политики шаха Аббаса I.

«Хроника кармелитов» как источник по истории международных отношений. В истории международных отношений раннего Нового времени дипломатическая деятельность босоногих кармелитов занимает особое место. Орден кармелитов был основан в 1196 г. крестоносцем Бертольдом Калабрийским⁴, создавшим скит отшельников на горе Кармель в Палестине, где, по преданию, жил пророк Илия. Полное название – «Орден братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель»⁵. Патриарх Иерусалимский Альберт, по просьбе Бертольда Калабрийского, составил в 1214 г. устав для новообразованного ордена. Устав кармелитов отличался особенной строгостью: бедность, аскетическое подвижничество, посты, молитвы, молчание,

³ Если не считать находившихся в 1606 г. в Москве послов короля Речи Посполитой Сигизмунда III Васа Николая Олесницкого и Александра Гонсевского. Но польских послов скорее можно назвать не свидетелями, а участниками событий Смуты.

⁴ Бертольд родился в 1156 г. в Салиньяке южнее Лиможа, на границе с испанской Калабрией. Поселился в качестве отшельника на горе Кармель. В 1185 г. он был главой проживавшей там группы отшельников, из которой, после 1200 г., образовался орден кармелитов. Умер в 1195 г., и его мощи покоятся в руинах монастыря крестоносцев в Вади-ле-Сиа. Таким образом, официальное оформление общины отшельников в орден произошло уже после смерти его основателя в 1196 г.

⁵ На латыни «Ordo Fratrum Beatae Mariae Virginis de Monte Carmelo».

физический труд. Таким образом, изначально устав ордена соответствовал самым строгим канонам восточного монашества, особенно в части аскетического подвижничества – обета молчания, что предполагало полную изоляцию от внешнего мира. Монахи основное свое предназначение видели в молитве за все грехи мира и в этом своем служении отказывались даже ухаживать за больными, что считалось первейшей обязанностью членов других католических орденов.

В 1247 г. папа Иннокентий IV смягчил устав кармелитов и включил орден в состав «нищенствующих орденов», к которым относились францисканцы, августинцы и доминиканцы⁶. После разгрома крестоносцев кармелиты, как и члены других орденов, перебрались и рассеялись по Юго-Западной Европе. Расцвет ордена пришелся на XIII – начало XIV в. В дальнейшем орден ждал проблемы, связанные с эпидемией чумы 1348 г. и Столетней войной. Началось обмирщение ордена, и сразу же возникли дискуссии относительно возвращения к первоначальным строгим правилам монашеской жизни. Попытки реформ оказались безуспешными, и к началу XVI в. орден почти полностью утратил свое прежнее влияние.

Во второй половине XVI в. кармелитский орден переживал второе рождение, связанное с реформами Терезы де Иисус (Авильской) и Хуана де ля Крус (святой Иоанн Креста)⁷. Тереза и Хуан призывали кармелитов вернуться к изначальной духовности, утраченной за годы обмирщения. Будущими святыми были основаны мужской и женский реформированные кармелитские монастыри, монахи которых придерживались правил строжайшего аскетизма. Не все члены ордена приняли новую доктрину, и в 1593 г. от основного «Ордена братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель» отпочковался «Орден Босых братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель»⁸.

Еще при жизни Терезы Авильской у кармелитов появилась новая идея для служения – распространение слова Божия среди язычников и иноверцев. Эту идею пропагандировал испанский король Филипп II, ставший с 1581 г. еще и королем Португалии. Тереза заявила, что это является «проявлением Божественного желания», и новое послушание кармелитов стало приобретать реальное воплощение, учитывая, что, кроме испанских колоний в Америке, Филипп II приобрел португальские владения в Индии. В 1597 г. представительство босоногих кармелитов обосновалось в Италии, под непосредственной юрисдикцией папы римского Климента VIII⁹. В том же году на западном берегу Тибра в районе Трастевере была построена знаменитая церковь Санта-Мария делла Скала¹⁰, ставшая центром конгрегации босоногих кармелитов.

Несмотря на то что первая миссионерская экспедиция кармелитов в Конго оказалась неудачной, ни руководство реформированного ордена, ни простые монахи-кармелиты не расстались с идеей обращения язычников и иноверцев в христианство. Но в конце XVI – начале XVII в. Римской курии помимо миссионерской деятельности необходимы были услуги кармелитов в качестве официальных представителей римских понтификов в восточных странах.

⁶ Нищий религиозный орден целиком зависит от милости людей на средства к существованию. Такие ордена не имеют какой-либо собственности, ни частной, ни общественной, и принимают обет бедности с целью посвятить всю свою энергию и время религиозной работе.

⁷ Тереза Санчес Сепеда Давила и Аумада – святая Тереза Авильская (1515–1582) – испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, реформатор кармелитского ордена, создатель орденской ветви босоногих кармелиток. Провозглашена католической церковью «Учителем Церкви». Хуан де Елес Альварес – святой Хуан де ла Крус (Иоанн Креста) (1542–1591) – христианский мистик, писатель и поэт, реформатор ордена кармелитов. Провозглашен католической церковью «Учителем Церкви».

⁸ *Ordo Fratrum Discalceatorum Beatae Mariae Virginis de Monte Carmelo.*

⁹ *Климент VIII* (1536–1605), в миру Ипполито Альдобрандини – папа римский с 30 января 1592 по 3 марта 1605 г.

¹⁰ Церковь была построена на месте полуразрушенной лачуги древнеримских времен после того, как на лестнице, точнее, на ступенях стал проявляться образ Богородицы. В настоящее время эта церковь – одно из основных мест паломничества верующих христиан в Риме, наряду с собором Святого Петра.

Официальной целью монахов продолжала оставаться деятельность по распространению католичества теперь уже на Ближнем и Среднем Востоке. Сан и миссионерское служение считались хорошим прикрытием для выполнения дипломатических поручений. Особый интерес представляет миссия, направленная в Персию в середине 1604 г. Из-за Смуты в Русском государстве кармелиты смогли добраться до Исфахана только осенью 1607 г. Посольство кармелитов, в составе преподобных о. Павла-Симона, о. Иоанна-Фаддея, о. Викентия, монаха-послушника Иоанна Успения и мирянина Риодолида Пералты, должно было доставить шаху предложения Римской курии о совместных действиях против османов. Кармелиты имели широкие полномочия в отношении переговоров по созданию антиосманской коалиции. Дипломатическая деятельность кармелитов и результаты их миссии были отражены в отчетах и депешах, которые они отправляли в Рим, иногда с риском для собственной жизни. Благодаря тому что орденская канцелярия старательно регистрировала и собирала все сведения, поступавшие от миссионеров, в настоящее время можно составить представления о восточной политике европейских правителей и намерениях шаха в отношении антиосманской коалиции. С другой стороны, доклады миссионеров в течение миссии обнаруживают уникальную сторону дипломатии Нового времени. Поражает скрупулезность и точность в деталях, с какой посланники-миссионеры пытались выполнять возложенные на них поручения и, что не менее важно, представлять эту информацию в распоряжение Римской курии.

Специальная историография, посвященная папской миссии в Персию в 1604–1612 гг., крайне скудна. И это несмотря на то, что в последнее время европейские исследователи по истории Сефевидского Ирана Виллем Флур, Эдмунд Херциг, Рудольф Метти часто ссылаются на кармелитов как на главных участников многочисленных европейских путешествий в Персию XVI–XVII вв.¹¹ Особенно хотелось отметить Руди (Рудольфа) Метти, являющегося в настоящее время крупнейшим специалистом по Сефевидскому Ирану¹². В 2013 г. Руди Метти написал подробное предисловие-эссе к переизданию фундаментального сборника (компиляции) документов, относящихся к миссионерской (и дипломатической) деятельности босоногих кармелитов в Персии – «A Chronicle of the Carmelites in Persia Papal Mission of the XVII-th and XVIII-th Centuries», впервые предпринятое издательством «I.V. Tauris» после первого издания 1939 г.¹³ Руди Метти отметил, что «Хроника кармелитов», представляющая документы Ордена Босоногих Кармелитов и его миссий на Восток, является настолько редким источником, что даже не все крупные библиотеки Европы и США имели экземпляры этого ценнейшего источника.

«Хроника кармелитов» начинает свое повествование с 1585 г. Материалы, собранные в «Хронике», позволяют заполнить настоящие лакуны не только в международных отношениях, но иногда являются настоящим кладом информации о некоторых переговорах, которые велись между выдающимися европейскими и восточными правителями своего времени. Самое ценное, что в «Хронике» отложились документы (или их копии), которые долгое время считались не столько несохранившимися, сколько вообще не имевшими места. Сразу стоит подчеркнуть, что миссия кармелитов в Персию в 1604–1612 гг. через Русское государство являлась отдельным эпизодом огромного тысячестраничного двухтомника «Хроники кармелитов» и подробно в публикации не была рассмотрена. Компилятор, публикатор и переводчик «Хро-

¹¹ Iran and the World in the Safavid Age (International Library of Iranian Studies) (1st Edition) // by Willem Floor, Edmund Herzig // Hardcover. P. 400, 2009.

¹² Rudi Matthee (6–40) Iran's Relations with Europe in the Safavid Period: Diplomats, Missionaries, Merchants and Travel // The fascination of Persia: the Persian-European dialogue in seventeenth-century art & contemporary art from Tehran / edited by Axel Langer; [translations, Tradukas GbR, Nancy Atakan] Zürich: Verlag Scheidegger & Spiess AG, 2013.

¹³ A Chronicle of the Carmelites in Persia Papal Mission of the XVII-th and XVIII-th Centuries. London, Eyre & Spottiswoode, 1939. Издательский дом I.V. Tauris, со штаб-квартирами в Лондоне и Нью-Йорке, ставит своей целью заполнить прорыв, существующий между коммерческими и университетскими издательствами, то есть опубликовать серьезные, но доступные широкой читательской аудитории книги на темы международной политики и культуры.

ники кармелитов» на английский язык Герберт Чик дал ссылки на отдельные полные издания «Миссии в Персию в 1604–1612 гг.», опубликованные членами Ордена Кармелитов в 80-х гг. XIX в. и в первой трети XX в.

Впервые материалы миссии кармелитов в Персию через Русское государство были опубликованы отдельным изданием на французском языке только в 1886 г. – «Histoire de L'Établissement de la Mission de Perse par les Pères Carmes-Dechausses (de l'année 1604 à 1612)»¹⁴. Автором компиляции выступил преподобный о. Бертольд-Игнасио де Сент-Анн, принадлежавший конгрегации Ордена Босоногих Кармелитов. Это редкое издание в настоящее время мало доступно даже европейским исследователям и практически неизвестно в России. Между тем особую ценность представляет содержащаяся в публикации информация о последних месяцах царствования Бориса Годунова, приходе к власти Лжедмитрия I и начале Смуты в Московском государстве. Кроме того, источник чрезвычайно богат информацией об отдаленных областях России и Персии, о внешнем виде людей, не только высших сословий, но и сельских жителей, женщин, схизматиков и мусульман.

В 2000 г. профессором И.О. Тюменцевым, специалистом по истории Смуты, была выполнена работа по публикации трех глав из записок кармелитов по изданию Бертольда Игнасио де Сент-Анна. Главы касались путешествия кармелитов по Волге и подробно описывали их пребывание в Царицыне в течение 13 месяцев. Первая публикация и подробные комментарии даже отдельных глав представляли особый огромный интерес, так как содержали описание жизни, быта и состояния волжских «пограничных городков», к которым относился и основанный в 1589 г. Царицын¹⁵.

В 30-х гг. XX в. публикацию материалов о миссии в Персию в 1604–1612 гг. на испанском языке предпринял преподобный о. Флоренсио дель Ниньо, кармелит монастыря Св. Терезы, – «A Persia (1604–1609): peripecias de una embajada pontificia que fué a Persia a principios del siglo XVII»¹⁶. Публикация преподобного о. Флоренсио дель Ниньо была в большей степени направлена на ознакомление широкой аудитории, прежде всего верующих, с «подвигами веры» братьев-кармелитов. Кроме того, миссии в Персию посвящены II и III тома пятитомной работы. Первый том был посвящен неудачной миссии в Конго, четвертый и пятый – основанию кармелитской миссии в Индии. Поэтому публикация о. Флоренсио дель Ниньо менее подробна, чем публикация о. Бертольда Игнасио, хотя не менее интересна. Судьба самого о. Флоренсио дель Ниньо соответство вала тому идеалу кармелитского служения, который он так ярко отразил в публикации. Флоренсио дель Ниньо был расстрелян франкистами в 1936 г. Таким образом, история посольства кармелитов в Персию в 1604–1612 гг. через Русское государство является отдельным произведением и специально, в полном объеме никогда не рассматривалось на русском языке.

Особенность рассматриваемых документов состоит в том, что источники, относящиеся к истории религиозных орденов, ранее не рассматривались как материалы по истории дипломатии и международных отношений. Руди Метти отмечал, что с 60-х вплоть до 90-х гг. XX в. обширные материалы, относящиеся к миссионерской деятельности католических орденов на Среднем Востоке и в Индии, не вызывали серьезного интереса у исследователей в силу своей религиозной направленности, не соответствующей духу времени. С конца 90-х гг. произошел перелом и началось возрождение интереса к религиозным организациям и их миссионерской деятельности. Руди Метти считает, что это произошло в результате распада Советского Союза,

¹⁴ Berthold-Ignace de Sainte-Anne. Reverend Père. Histoire de L'Établissement de la Mission de Perse par les Pères Carmes-Dechausses (de l'année 1604 à 1612); Bruxelles, 1886.

¹⁵ Тюменцев И.О., Свиридонова В.П. Описание путешествия монахов по Волге в 1606–1607 годах (главы из «Хроники кармелитов») // Стрежень. Научный ежегодник / Под ред. М.М. Загорюлько. Вып. 2. Волгоград: Издатель, 2000. С. 390–422.

¹⁶ Florencio del Niño Jesús. A Persia (1604–1609): Peripecias de una embajada pontificia que fué a Persia a principios del siglo XVII. Pamplona, 1929–30.

а после 11 сентября 2001 г. этот интерес приобрел совершенно новое, еще более актуальное звучание. Исследователи стали понимать, что многочисленные и подробные письма и реляции миссионеров, не оцененные должным образом, чрезвычайно богаты информацией об отдаленных географических областях, о быте, нравах, социальных и религиозных взаимоотношениях жителей Ближнего и Среднего Востока конца XVI – первой трети XVII в. Важно, что подобного рода информация за этот период времени практически отсутствует в других источниках. Для широкого круга российских исследователей и простых читателей, интересующихся историей и культурой, «записки» кармелитов представляют особый интерес, так как рассматриваемый источник является уникальным документом, дополняющим, а в некоторых местах раскрывающим обстоятельства, связанные с событиями Смуты в Русском государстве 1605–1613 гг.

Глава 1. «Восточный вопрос» в международных отношениях и Русское государство на рубеже XVI–XVII вв.

1453 г. стал переломным в истории Европы. Завоевание султаном Мехмедом II Фатихом Византийской империи открыло в международной обстановке Европы новую эпоху – эпоху экспансии турок-османов на европейские территории. Захватив в течение следующего столетия территории Ближнего Востока и Северной Африки, османы создали огромную империю. Новая столица османов – Константинополь – сделалась Стамбулом, и Османская империя из азиатской превратилась в южноевропейскую державу¹⁷, вплотную приблизившись к границам Священной Римской империи. К началу 20-х гг. XVI в. могущество Османской империи достигло своего апогея. Султаны Селим и Сулейман покорили Египет, Северную Африку и большую часть Персии. Теперь геостратегической целью османов стала Европа.

Идея расширения османского влияния на европейские территории возникла еще при Мехмеде II Фатихе. Идеологическое обоснование эти планы нашли в религиозно-историософской концепции «кызыл эльма» – распространении ислама на пограничные европейские территории.

«Кызыл эльма», или «золотое яблоко»¹⁸, – знак и гарантия мирового господства. Эта идея была заимствована османами у византийцев и преобразована согласно исламской традиции. По преданию, после захвата Константинополя турками конная статуя императора Юстиниана была свергнута с пьедестала, находившегося у входа в собор Святой Софии. В руках у поверженного императора находилась украшенная крестом держава («золотое/имперское яблоко») – символ мирового господства, которое покатило в сторону Европы. Это было воспринято султаном Мехмедом II Фатихом как знак распространения зеленого знамени ислама на европейские территории – идея османского экспансионизма. Идея «кызыл эльма», теснейшим образом связанная с джихадом – священной войной за веру, составляла стержень идеологии янычар, которые играли исключительную роль в развитии идеологии агрессии, ее сохранении и дальнейшем развитии¹⁹.

Следовательно, «восточный вопрос» осознавался европейским сообществом как борьба христианской Европы с Османской империей. Несомненным был и тот факт, что борьба с «крупнейшей военной державой Средневековья»²⁰ была возможна только при условии совместных действий. Отсюда возникала потребность в создании антиосманской коалиции, или лиги. Первые проекты антиосманской коалиции стали появляться и обсуждаться еще в конце XV в. В течение XVI в. Лев X, Климент VII, Григорий XIII, Сикст V, Климент VIII неоднократно пытались организовать новый «крестовый поход» против османов. В XVI в. средневековое понятие крестового похода – как «освобождения Гроба Господня от неверных» претерпело серьезные изменения. Для папства религиозный фактор продолжал играть роль идеологиче-

¹⁷ Наумов Е.П., Ариш Г.Л., Достян И.С., Виноградов В.Н. Балканы в международной жизни Европы XV–XIX вв. // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 42.

¹⁸ Дословно «золотое яблоко» – обозначало мировую державу и являлось, наряду со скипетром, неотъемлемой частью инсигний византийских императоров. Но у османов «кызыл эльма» имело еще одно значение – «земля обетованная», расположенная на западе. По древним преданиям: «Наш император сразится, Он захватит страну язычников (христиан), и Кызыл Эльма (земля обетованная) будет им захвачена и завоевана». Первоначально земля обетованная была Константинополем, но после его завоевания «кызыл эльма» стала превращаться в Рим. См.: Fischer A. «Qyzyl elma», die Stadt (das Land) der Sehnsucht der Osmaïen // The Royal Central Asian Society. 1931. Vol. XVIII. P. 170–174.

¹⁹ Фодор П. Идеологическое обоснование османских завоеваний в XIV–XVI веках // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией: Сб. ст. М., 1996. С. 28–30.

²⁰ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVII веков. М., 1963. С. 23.

ского обоснования политического авторитета, так как только папа имел возможность призвать христианский мир к «священной войне» за освобождение Святой Земли. Но сама религиозно-философская идея «освобождения Гроба Господня» приобрела в XVI в. конкретное содержание²¹. Новый крестовый поход – это борьба против османов, против чуждого культурного и религиозного мира ислама, который угрожал уничтожением христианскому миру.

Римская курия разрабатывала различные варианты антиосманской лиги, или коалиции. Сложность заключалась в том, чтобы окончательный вариант удовлетворял все заинтересованные стороны. Сделать это, учитывая противоречия между европейскими государствами, было достаточно сложно. Не способствовала этому и социально-политическая обстановка в Европе в первых двух третях XVI в.²² Положение начинает меняться после успешного морского сражения около острова Лепанто в 1571 г., когда объединенным морским силам Венеции, Испании и Римской курии²³ удалось разбить турецкий флот. Успешная совместная операция дала новый стимул для разработки антиосманских планов.

По замыслу Римской курии в антиосманской коалиции прежде всего должны были присутствовать Испания, Священная Римская империя и Венеция. Римской курии отводилась роль идеологического лидера. Перечисленные государства имели с Османской империей сухопутные или морские границы и поэтому находились с османами в состоянии перманентной войны. Главным участником антиосманской коалиции должна была быть Испания. С открытием Америки Испания превратилась в самую могущественную европейскую страну, располагавшую мощным флотом и армией. Король Филипп II, так же как и его отец, император Священной Римской империи Карл V, считал своим христианским долгом участие в антитурецкой коалиции. Однако, несмотря на свое политическое и финансово-экономическое могущество, Испания почти всю вторую половину XVI в. вела непрерывные войны с Англией, Францией и Нидерландами. Поэтому позиция Филиппа II по вопросу антитурецкой коалиции отличалась крайней осторожностью. Испания прежде всего заботилась о безопасности и благополучии стран, составлявших ее собственное государство. Поэтому создание лиги было одним из основных желаний Филиппа II, но король не собирался брать на себя роль лидера²⁴.

Особенно желательным в антиосманской лиге было участие Венецианской республики. Венеция имела самую протяженную морскую и сухопутную границу с Османской империей и являлась во второй половине XVI в. сильнейшей морской державой на Средиземном море. Собственно, вся мощь Венеции заключалась в ее флоте. Однако Венеция после знаменитого морского сражения при Лепанто в 1571 г. откровенно не желала участвовать в лиге. В результате победы христианского флота над османами при Лепанто Венеции не удалось вернуть себе о. Кипр, собственно из-за возврата которого и было инициировано сражение. Венеция понесла серьезные материальные убытки в связи с организацией совместного выступления, общая гра-

²¹ Термин «крестовый поход» фигурирует в источниках до конца XVII в. См.: Stloukal K. Das Projekt einer internationalen paneuropaschen Liga mit Persien aus dem Ende des 16 Jahrhunderts. *Persica I.* (1963–64). S. 42.

²² Франко-габсбургские войны (1494–1559); противостояние в 30-х гг. XVI в. между императором Карлом V – светским главой католического мира и римскими понтификами – духовно-идеологическими лидерами Европы; Реформация, которая закончилась в 1555 г. религиозным и, как следствие, политическим переделом Европы. Только в 1559 г., после подписания мира в Като-Камбрези, вопрос об антитурецкой лиге начинает приобретать реальные очертания. См.: История Европы. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М., 1993. Т. 3. С. 388–411.

²³ Римская курия обладала флотом в 35 галер, на содержание каждой галеры в год уходило 300 тысяч золотых. См.: *Smolka S. Projét d'une ligue contre les Turcs en 1583.* Cracovie, 1890. P. 43.

²⁴ Филипп II сам выразил свое отношение к лиге, во время переговоров с послами своего дяди, императора Священной Римской империи Максимилиана II: «Лига соответствует тому, что Его Католическое Величество всегда желало и желает в настоящее время и надеется на Бога, тем более что Его Святейшество приложило к этому делу свою руку». И далее: «Если ему (Филиппу II) представится возможность равная его желанию принести пользу и услужить императору, то он сделает это с большой охотой, как он это делал всегда, как мог и будет делать это... не нанося вреда самому себе и тем делам, которые ему послал Бог». См.: 1576. декабря 8. Ответ его католического величества послам императора И. Кювенхюллеру и В. Румпфу // *Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия. Пг., 1915. Т. III. Вып. 2. С. 325–327.

ница с Османской империей требовала постоянных финансовых затрат. В случае даже незначительного конфликта с османами страдали экономические интересы Венеции. Кроме того, с последней трети XVI в. Республика вступала в полосу стагнации, и Сенат всеми доступными средствами, включая подкуп высших османских чиновников, пытался избежать открытой войны²⁵. Несмотря на это, Венеция оставалась христианским государством и не могла полностью игнорировать идею лиги. Позицию Венеции на переговорах в Риме по созданию лиги озвучил Паоло Парута: «*Венецианское государство является пристанью Италии и всего христианского мира и, как общеизвестно, имеет самую протяженную границу с турками, поэтому Венеция легко может подвергнуться их нападениям. Поэтому очевидно, что в настоящее время мы не в состоянии решать этот вопрос, так как несомненно, что мы можем быть атакованными турками первыми. Если, однако, усердием и авторитетом Его Святейшества, другие христианские князья соберутся в этот союз... мы без промедления сделаем ответ республики более четким и устраивающим всех*»²⁶. Следовательно, обязательным условием вступления в антиосманскую лигу Венеции должно было быть «юридически оформленное соглашение» между всеми предполагаемыми участниками.

Более всех в создании лиги была заинтересована Священная Римская империя, которая также граничила с Османской империей и постепенно уступала последней территории на Балканах, в Венгрии и Трансильвании. Главной причиной возрождения Священной Римской империи во второй половине XV в. было противостояние османской агрессии²⁷, а с 1526 г. она являлась в глазах Европы «щитом христианского мира перед турецкой угрозой»²⁸. Священная Римская империя состояла из конгломерата германских, славянских и итальянских княжеств. Огромная Империя была достаточно рыхлым политическим образованием. Только сплотившись вокруг сильной центральной власти императора, небольшие княжества и земли могли противостоять нашествию турок-османов на европейские территории. Однако, объединившись в политический союз, княжества пытались урезать свое финансовое участие в борьбе с османами, ссылаясь на недостаточные размеры территории, торгово-экономические трудности, а после подписания в 1555 г. Аугсбургского мира протестантские княжества пытались отдать пальму первенства в борьбе с мусульманской угрозой католическим землям²⁹. Империя остро нуждалась в союзниках, которые могли бы поддержать ее в борьбе с османами. Поэтому проблема создания антиосманской лиги во внешнеполитическом курсе страны была первоочередной.

Теоретически к антиосманской коалиции могли присоединиться и другие европейские государства, в частности Франция, Англия, Польша. Но эти страны имели на создание антитурецкой лиги собственную точку зрения, которая отвечала не общехристианским, а собственным интересам. С первой четверти XVI в. между Францией и Османской империей установились дружественные отношения³⁰. Поддерживая османов, Франция наносила серьезный ущерб

²⁵ Испанский посланник в Венеции граф де Куэва следующим образом характеризовал венецианскую политику: «Венецианцы верили, что могли каждое вредное для них решение турок нивелировать определенной суммой золотых, прежде всего они заручались расположением и благосклонностью Великого Визиря, посредством того, что порочили в его глазах других христианских князей, а себя представляли единственными, кому турки могли доверять». Цит. по: *Niederkorn J. P. Die europäischen Mächte und der «Lange Türkerkrieg» Kaiser Rudolf II (1593–1606)*. Wien, 1993. S. 295.

²⁶ *De Leva G. La legazione di Roma di Paolo Paruta (1592-1595)*. Documenti storici pubblicati dall R. Deputazione di stiria Patria! Venedig, 1887. Vol. VII. P. 190–191.

²⁷ *Leitsch W. Moskau und Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert. I. Teil, 1604–1654*. Graz-Koln, 1960. S. 265.

²⁸ *Медведева К.Т. Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века*. М., 2004. С. 7.

²⁹ *Niederkorn J.P. Op. cit.* S. 37.

³⁰ Первый договор о торговых привилегиях был заключен между Сулейманом Кануни и Франциском I в 1536 г. В 1543 г. Франция открыто выступила против Карла V в союзе с османами. Знаме нитая франко-османская морская операция, когда турецкий флот, зайдя в Марсель и соединившись с французами, нанес поражение императору Карлу V под Ниццей. См.: История Европы. Указ. соч. С. 301.

как испанским, так и австрийским Габсбургам. Поэтому Франция, единственная из всех католических стран Европы, не рассматривалась Римской курией как потенциальный участник антиосманской лиги. Политика Англии в течение всего XVI столетия не отличалась постоянством. Но с приходом к власти Елизаветы Тюдор главным врагом и соперником Англии стала Испания. Имевшиеся между двумя странами противоречия не позволяли участвовать в каких-либо совместных проектах. Поэтому Англия, так же как Франция, склонялась к союзу с османами, получая от султанов «торговые привилегии»³¹.

Противоречивую позицию по вопросу создания антиосманской лиги занимала Речь Посполитая. Располагаясь в центре Восточной Европы и занимая стратегически важное положение между Священной Римской империей и Русским государством, Польша предпочитала поочередно шантажировать государей этих стран тем, что заключала мирные договоры с османскими султанами³². Имело место и прямое вмешательство Османской империи в процесс выборов польского короля. В 1573, 1575 и 1587 гг. польский престол занимали соответственно Генрих Валуа, Стефан Баторий и Сигизмунд III Ваза – креатуры турецких султанов³³. Почти вся вторая половина XVI в. была потрачена на безуспешные попытки Римской курии привлечь Польшу в ряды антиосманской лиги. Польский король Стефан Баторий, как трансильванский князь, был вассалом турецкого султана и лично приносил ему присягу³⁴.

Стефан Баторий не афишировал свою зависимость от османов и старался по возможности ничем не отличаться от других европейских государей. Скорее наоборот, при малейшей возможности пытался подчеркнуть свою преданность христианскому долгу. На предложения папы Сикста V вступить в антиосманскую лигу Баторий сразу же ответил согласием и представил собственный план действий. План заключался в походе на Москву, после покорения которой Баторий, соединившись с остальными участниками лиги, атаковал бы турок с северо-востока³⁵. «Грандиозные» замыслы С. Батория были прямо противоположны самой идее лиги – объединения всех христианских государей против общего врага. Император Рудольф II открыто высказывал несогласие с позицией Батория³⁶. Филипп II выражал обеспокоенность замыслами Батория и заботился о том, чтобы об этом не узнали в Москве³⁷. Планам С. Батория не суждено было сбыться, в 1586 г. король умер. Стоит отметить, что С. Баторий был единственным польским королем, которого волновали планы антиосманской лиги, правда, осуществить их он собирался «весьма оригинальным способом». Не стоит думать, что подоб-

³¹ Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16–19 вв. М., 1982. С. 27–28.

³² Современные польские османисты подчеркивают, что договор 1533 г. между польским королем Сигизмундом I Старым и султаном Селимом I был заключен на три года раньше, чем договор между Сулейманом и Франциском I от 1536 г. См.: *Kolodziejczyk D. Polen und die Osmanen im 17. Jahrhundert // Wiener archive fur Geschichte des slawentums und osteuropas: Band. XVIII. Vein, 1999. S. 261.*

³³ Максимилиан II, Иван IV в переписке открыто называли Стефана Батория «турецким посаженником». См.: *Kolodziejczyk D. Op. cit. S. 262.*

³⁴ Успешные военные кампании Сулеймана Великолепного привели к тому, что Венгрия в 1547 г. была разделена на три части: Трансильванское княжество – вассал Османской империи; Средняя Венгрия, на территории которой османы образовали Будапештский пашалык; Западная Венгрия, входила в состав Священной Римской империи. Стефан Баторий был внуком Яноша Заполь и, получившего Трансильванию из рук султана Сулеймана. См.: *Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 295.*

³⁵ Баторий просил у папы «необходимые средства для похода против Москвы – 200 тысяч золотых дукатов». Всю кампанию Баторий собирался осуществить за три года, силами 24 тысяч кавалерии и пехотинцев. См.: *Pirling P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. Paris, 1897. Vol. II. P. 414–415.*

³⁶ *Stloukal K. Das Projekt einer internationalen paneuropaschen Liga mit Persien aus dem Ende des 16 Jahrhunderts. Persica I. (1963–1964). S. 78–79.*

³⁷ Позицию Филиппа II можно уяснить из депеши Поссевино кардиналу Коменчи: «... необходимо отвлечь короля Польши от этих замыслов другими заботами и направить его энергию против турка». См.: *Possevinus card. Comens. Pragae 6 novembris 1584 // Monumenta Poloniae Vaticana. Cracoviae, 1950. T. VII. P. 492–493.* Позднее, в 1585 г. в депеше кардиналу Комо Поссевино изложил подробный план действий, которые намеревался осуществить Баторий. Это единственный документ, в котором письменно отражены планы Батория по «захвату Кремля». См.: № 256. 1585 г. Февраля 17. Краков. Дешепа А. Поссевино кардиналу Комо // *Россия и Италия. Сборник исторических материалов СПб., 1902. Т. II. С. 213.*

ная позиция Речи Посполитой объяснялась только взглядами «избираемых королей». Великий канцлер Ян Замойский, единолично управлявший страной в годы двух последних «бескоролевий», всю свою энергию незаурядного государственного деятеля направлял на подрыв усилий Римской курии создать антиосманскую лигу с участием Польши. В этом отношении Я. Замойский следовал традиционной польской политике мирных отношений с османами. В разгар «Долгой турецкой войны» 1593-1606 гг., зная о бедственном положении имперской армии в Венгрии, Замойский не только избегал любого альянса с императором, но и предпочел обновить в очередной раз договор с османами³⁸.

Таким образом, несмотря на то, что Римская курия вела активную агитационную работу среди европейских монархов, из-за противоречий между Испанией, Францией и Англией, Священной Римской империей и Венецией, Империей и Речью Посполитой подобного рода разработки оставались лишь гипотетическими проектами. Для того чтобы изменить положение, необходимо было внести серьезные коррективы в состав участников лиги. Римская курия начала рассматривать варианты политического союза с нехристианскими государствами. Вопрос подобного альянса для Римской курии был сложным. Считалось недопустимым и «противным вере» расширение лиги за счет нехристианских государств. Кардинал Антуан Перрено де Гранвелла, занимавшийся в Риме от имени Филиппа II переговорами по созданию лиги, подчеркивал, что новый «крестовый поход» должен быть направлен против всех мусульман – турок-османов, египетских мамлюков, мавров, персов-шиитов³⁹. Позицию Гранвеллы поддерживала значительная часть римских кардиналов. Пий V оказался в большей степени прагматичным политиком, чем ортодоксальным первосвященником. Ему удалось убедить конклав кардиналов в необходимости создания лиги именно против турок «в союзе с заинтересованными государствами, включая и нехристиан»⁴⁰. На рассмотрение Пию V поступали самые разнообразные проекты антиосманских выступлений. Один из них опубликован Барбарой фон Паломбине под заголовком «Discorso», в нем предлагалось «объединенными армиями христиан атаковать сначала Святую землю, а союзник – шах «Софи» – нападет на Турцию со стороны Анатолийского нагорья, с востока; также нужно будет принять в союз «Пресвитера Иоанна» и египтян и с их помощью сбросить турецкое господство в Египте»⁴¹. Таким образом, самым желанным союзником для европейской коалиции была шиитская Персия.

Дипломатические контакты между Персией и европейскими странами были установлены еще в последней трети XV в. Сразу же после захвата Константинополя стали возникать проекты совместных действий европейцев с малоазиатскими правителями – естественными врагами турок-османов. Сначала имелся в виду Иоанн IV Комнин – правитель «Трапезундской империи» – последнего оплота греков в Малой Азии. После захвата османами в 1463 г. Трапезунда эстафету антиосманской борьбы принял Узун Хасан, правитель государства Ак-Коюнлу⁴². К середине 70-х гг. XV в. Узун Хасану удалось создать обширное государство, которое соперничало по размерам с еще только формировавшимся государством османов. Государство Узун Хасана в европейских источниках XV в. именовалось Персией и включало в себя территории Азербайджана, Хорасана, Ирана, Ирака и части Анатолийского нагорья⁴³. Узун Хасан прояв-

³⁸ Дворник Ф. Славяне в европейской истории... С. 534.

³⁹ Smolka S. Op. cit. P. 51.

⁴⁰ Smolka S. Op. cit. P. 56.

⁴¹ Palombin Barbara von. Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600. Wiesbaden, 1968. S. 126.

⁴² Ак-Коюнлу – «Белые бараны», в отличие от Кара-Коюнлу – «Черных баранов» – конфедерация туркменских племен, именуемых по изображению тотема на знамени. Под туркменскими племенами следует понимать тюрок-огузов, которые тесно соприкасались с Византией с XIV в. Брачные связи правителей Ак-Коюнлу с Комнинами, а затем с правящей в Трапезунде династией Палеологов были на протяжении двух столетий весьма тесными. См.: Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 223.

⁴³ Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 94.

лял живейший интерес к сотрудничеству с западноевропейскими государями и неоднократно посылал посольства в Венецию, Рим, Неаполь, Бургундию. В Венеции и Риме побывало уже два посольства от Узун Хасана, сохранилось даже имя одного из послов – Хаджи Мухаммед. Европейцы объясняли такое поведение Узун Хасана влиянием на него его жены, дочери трабзонского императора Иоанна IV Феодоры, которая вошла в историю под именем Деспины-хатун⁴⁴.

В свою очередь, в связях с Узун Хасаном была заинтересована Венецианская республика, помимо идеи «священной войны» с османами, пыталась сохранить свои колониальные позиции на Черном море. Все венецианские посольства – К. Дзено, И. Барбаро, А. Контарини и т. д. – этого времени имели своей целью побудить Узун Хасана, который обладал 60-тысячной конницей, к активным действиям против османов. Венецианские посланники оставили подробное описание государства Ак-Коюнлу, его политического устройства, религии, обычаев, нравов. Но эти описания не содержат существа переговоров между Узун Хасаном и Венецией. Цели и задачи посольств можно восстановить по посольским инструкциям, которые опубликовал в XIX в. Гульельмо Берше. Стратегическая цель заключалась в совместном выступлении против османов: Узун Хасана – по суше с востока, а венецианский флот нападет на османов в Галлиполи. В случае победы Венеции доставались все европейские владения османов, Узун Хасану – вся Малая Азия⁴⁵. В конце 70-х гг. XV в. османам удалось разгромить Узун Хасана и его союзника, караманского бея, и захватить всю территорию Малой Азии. Вскоре Узун Хасан умер, и его государство погрузилось в феодальные войны, которые закончились только в 1502 г. победой Исмаила I из рода Сефи и образованием шиитского государства Сефевидов. Основатель рода шейх Сафи (Сефи) ад-Дин создал в начале XIV в. в Ардебиле (Иранский Азербайджан) суфийский орден Сафавия. Отсюда прозвище, которым называли европейцы всех шахов Персии – «Софи»⁴⁶.

Создать в конце XV в. антиосманский союз не удалось, но европейские политики из опыта взаимоотношений с Узун Хасаном сделали важный вывод. Между турками-османами, исповедовавшими ислам суннитского толка, и персами – мусульманами-шиитами существуют непреодолимые религиозные и политические противоречия. В результате логического заключения «враг моего врага мой друг» европейцы видели в персах естественного союзника в борьбе с османами. Самое важное заключалось в том, что в результате такого союза османы могут быть блокированы с двух сторон – с запада и востока. В этом случае они не смогут вести войну одновременно против христиан и персов. Поэтому усилия европейских государств в течение всего XVI в. в возрастающей мере были направлены на то, чтобы в обмен на обещанный союз побуждать персов к борьбе с османами.

Для Русского государства «восточный вопрос», так же как и для европейцев, возник с момента падения Византии и образования на ее развалинах Османской империи. С. Жигарев, историк права, обобщив многочисленные споры и дискуссии, происходившие в России в конце XIX в. по проблеме «восточного вопроса», дал следующее определение: «*Восточный вопрос в том смысле, в каком он употребляется в отношении к Турции... заключается в самом факте падения Царьграда и тех отношениях, которые созданы были новым порядком вещей в юго-восточном углу Европы, и том положении, в каком очутилась в это время православная Русь по отношению к Балканскому полуострову и Западной Европе*»⁴⁷.

Так же как и для Римской курии, «восточный вопрос» для Русского государства, помимо политической составляющей, обладал историческим и религиозно-философским обоснова-

⁴⁴ Palombin B. Op. cit. S. 20.

⁴⁵ Berchet G. La Repubblica di Venezia e la Persia. Torino, 1865. P. 100–113.

⁴⁶ Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Ак-Коюнлу и Сефевидов с западными странами (II половина XV – начало XVII в.). Баку, 1991. С. 56.

⁴⁷ Жигарев С.Л. Русская политика в Восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. Ч. 1. С. 22.

нием. Связано это было с ролью Москвы как духовной преемницы Византийской империи и защитницы прав славянских народов Балканского полуострова⁴⁸. Обоснование преемственности выразилось представлением *translation imperii* – «перехода» или «переноса» культурного, исторического и военно-политического наследия Римской империи сначала к Византии, а затем, после падения Константинополя, к Московскому царству. Православный вариант *translation* есть результат конкретных военно-политических акций – османского завоевания православных государств Балканского полуострова. Русское государство становится единственным политически независимым государством, которое соединяет свою историческую судьбу с поработанными народами Балкан. Причем важно подчеркнуть, что речь шла не о мессианстве в буквальном смысле, а об исторической ответственности⁴⁹. Уже в первой четверти XVI в. политическая элита Русского государства осознавала, что основной смысл «восточного вопроса» заключался в политическом лидерстве на православном Востоке. Эту мысль впервые высказал профессор Ф.И. Успенский в специальной работе, посвященной «восточному вопросу». Историк подчеркивал, что совсем «не одно и то же сознавать политическую идею и принимать меры к ее осуществлению»⁵⁰. Поэтому «восточный вопрос» стал не столько предметом религиозно-философских дискуссий, сколько дипломатическим инструментом, с помощью которого Русское государство, постепенно, но настойчиво, начинает встраиваться в систему европейских международных отношений.

Русские государи прежде всего стремились подчеркнуть свой суверенитет и статус на европейской международной арене. Переговорный процесс по вхождению Русского государства в антиосманский союз начался еще в первой трети XVI в. Предложения о присоединении к антиосманской коалиции впервые стали поступать от императора Священной Римской империи Максимилиана I. За первые десять лет правления Василия III в Москве побывало не менее тринадцати имперских посольств⁵¹. Затем в переговорный процесс включилась Римская курия. Папа Лев X в течение своего понтификата активно занимался созданием антиосманской коалиции, пытаясь привлечь в ее ряды Русское государство. В 1518 г. в Москву послание папы Льва X⁵² с предложением «союза против турок» доставил Д. Шонберг, в 1519 г. послание о «союзе против турок и церковной унии» доставили епископ Сардикский Захарий и И. де Тедальдис, в 1521 и 1524 гг. Паоло Чентурионе доставил письмо с предложением «союза против турок и унии»⁵³. Стоит подчеркнуть, что ряд фактов свидетельствует о том, что Василий III, так же как Иван III, считал целесообразным и выгодным для Русского государства сближение с Римом⁵⁴. Однако серьезной ошибкой Римской курии, которая будет ее преследовать почти до конца XVI в., была надежда понтификов на религиозную унию между католиками и

⁴⁸ Чаев Н.С. «Москва – Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века // Исторические записки. 1945. Т. 17. С. 12.

⁴⁹ Ситицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 189, 242–243.

⁵⁰ Успенский Ф.И. Как возник и развивался в России «Восточный Вопрос». СПб., 1887. С. 34, 57.

⁵¹ 1505 – Ю. Кантингер; в 1506 – он же; 1509 – ганзейские купцы, доставившие грамоту императора; 1513 – Ю. Шнитценпаймер, 1514 – Я. Ослер и М. Бургштеллер (по результатам этих посольств между Василием III и Максимилианом I был заключен договор «о дружбе и союзе»; 1515 – вновь Шнитценпаймер, а затем некий Пантелеймон и гонец В. Эдер; 1516 – С. Герберштейн, П. Мракси и И. фон Турн; 1517 – послы императора Франц, Яков и Владимир; 1518 – Ф. да Колло, А. де Конти и И. фон Турн; 1518 – Я. Христоф; 1521–1522 – посол императора Бартоломей; 1523–1524 – вновь А. де Конти; 1525 – граф Л. Нугароль и вновь С. Герберштейн. См.: Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при Русском дворе (с начала сношений по 1800 г.) / Сост. С.А. Белокуровым. Вып. 1. Австро-Венгрия. М., 1892. С. 11–12. Главным вопросом обсуждения на переговорах между Империей и Русским государством были враждебные отношения с Литвой и Польшей. Империя выступала посредником на переговорах между Москвой и Литвой. Важно, что вопрос мира между Москвой и Литвой увязывался имперскими дипломатами с возможностью участия Московского государства в антитурецкой коалиции.

⁵² Лев X – Джованни де Медичи (1513–1521).

⁵³ Баттши-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1896. Ч. 2. С. 268.

⁵⁴ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений... С. 252.

православными. Расчет Римской курии был прост – только объединившись в единую конфессию, можно успешно осуществлять политический союз с целью уничтожения турок-османов.

Несмотря на достаточно активные переговоры по созданию антиосманской коалиции, никаких конкретных действий ни с одной, ни с другой стороны предпринято не было. Некоторые исследователи считают, что этот факт свидетельствует о том, что переговоры по созданию антитурецкой коалиции выходили за рамки тогдашних внешнеполитических возможностей Московского государства. Василий III не собирался выступать против Османской империи, главным образом из-за нерешенности многих внутривосточных проблем⁵⁵. Подобная точка зрения не может быть исчерпывающим ответом на постановку проблемы. С помощью гипотетического участия в еще не созданной антиосманской коалиции русский государь демонстрировал потенциальные возможности своей страны. Итальянский публицист и дипломат Альберто Кампензе уверял Климента VII, что в антитурецкой борьбе следует ориентироваться на Василия III, а не на Сигизмунда I, союзника Порты и Крыма. Если же Рим не обратит на это внимания, Москву могут привлечь на свою сторону турки. Кампензе писал: «Союз с таким могущественным и богатым Государем, каков Государь Московский, сам по себе уже необходим для нас в деле противу Турок; ибо Василию, по смежности владений, удобнее и легче, чем кому-либо, напасть на земли неверных»⁵⁶. Кампензе возмущали непримиримые распри европейских государей, и «один только еретик (то есть Василий III) радеет о спасении нашем...»⁵⁷.

Это один, достаточно важный, аргумент, так как именно по вопросу участия в антиосманской лиге европейские монархи проявляли интерес к Русскому государству. Проблема создания антиосманской лиги в это время являлась предметом геополитики – первым международным проектом Нового времени. Немаловажно, что Русское государство вовремя сумело оценить масштабы и значение своего участия в подобном проекте.

С другой стороны, проблема османской экспансии переставала быть для Русского государства гипотетической, касающейся только европейских государств. Московское государство некоторое время пыталось поддерживать с Османской империей формально-мирные отношения с целью предотвращения татарских набегов. Собственно, такой же позиции придерживалась в отношении Русского государства и Османская империя, так как была занята захватами ближневосточных и европейских территорий. Представители крымского хана также участвовали в формировании мнения султана о политике Москвы. Посол Мухаммед Гирей приватно сообщал Сулейману об оказании помощи Василием III персидскому шаху Исмаилу, с которым султан вел войну⁵⁸. Османское правительство сделало вывод и из постоянно увеличивавшихся контактов Москвы с западноевропейскими государствами, воевавшими с Османской империей. Султан Сулейман считал, что далекая Москва потенциально принадлежала к антиосманскому лагерю⁵⁹. Это неизбежно привело к перемене в отношениях между Стамбулом и Москвой. Военная операция 1521 г. крымско-казанского войска вглубь территории Русского государства и последовавшее разорение за этим было сравнимо с нашествиями времен Золотой Орды. Цель – нанесение максимально сокрушительного удара, вплоть до захвата Москвы. Ущерб, нанесенный экономике Русского государства крымско-казанским нашествием, был колоссальным. Для восстановления внутренних ресурсов требовалось время. Организовать

⁵⁵ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений... С. 249; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений в конце XV – начале XVI века. М., 1980. С. 215; Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики. Указ. соч. С. 44–116.

⁵⁶ Письмо Альберто Кампензе к Его Святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России / Сост. Семенов В. СПб., 1836. Т. I. С. 87.

⁵⁷ Письмо Альберто Кампензе к Его Святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России / Сост. Семенов В. СПб., 1836. Т. I. С. 88.

⁵⁸ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 18.

⁵⁹ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. С. 174.

столь масштабный поход на Русь, в котором кроме крымцев, казанцев и нагаев участвовали еще и литовцы, было под силу только султану Сулейману Великолепному⁶⁰. Если учесть, что в это время османские войска во главе с султаном провели успешную операцию по осаде и захвату Белграда, можно с уверенностью говорить о том, что султан Сулейман очень грамотно обезопасил свои тылы с севера.

Правительство Василия III предложило Османской империи – сюзерену Крымского ханства – заключить мирный договор. В ходе переговоров выяснилось, что никакого письменного соглашения османы подписывать не собираются, а переговорами лишь пытаются замаскировать свое неформальное участие в крымско-казанском походе⁶¹. Союз между Русским государством и Османской империей был невозможен, так как гипотетически он мог быть направлен против Крымского ханства. Собственно, именно этого добивался Василий III⁶². Крымское ханство с середины 20-х гг. и вплоть до начала XVII в. оставалось форпостом Османской империи в Восточной Европе. Османские султаны определяли внешнюю и внутреннюю политику крымских ханов, а татарская конница являлась передовой ударной силой османов, как на востоке, так и на западе⁶³.

Внешнеполитический курс Османской империи был направлен на территориальные захваты, как в Центральной и Южной Европе, так и на Ближнем и Среднем Востоке. В Восточной Европе Османская империя не стремилась к немедленным захватам территорий, особенно в первой половине XVI в. Основной задачей здесь было ослабление тех стран, которые потенциально могли помешать экспансионистским планам османов⁶⁴. В перспективе султаны, конечно, считали необходимым распространение своего сюзеренитета на мусульманские государства Восточной Европы и далее на Кавказ, Персию и Среднюю Азию. Но в Стамбуле понимали, что до тех пор, пока Русское государство существует, экспансионистские планы султанов в Восточной Европе останутся нереализованными. Однако для уничтожения Русского государства у Османской империи не имелось достаточно средств, так как османы в это время активно воевали с Персией на востоке и со Священной Римской империей на западе. С Русским государством османы предпочитали бороться силами татарских ханств⁶⁵. Отсюда первая попытка османов создать единый антирусский фронт в составе Крымского, Казанского, Астраханского ханств и Ногайской Орды⁶⁶. В полной мере осуществить эти планы не удалось, хотя Казанское ханство, так же как и Крымское, стало вассалом османского султана⁶⁷.

⁶⁰ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений... С. 243–244; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. С. 143–144.

⁶¹ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа в последней четверти XV – первой половине XVI века. М., 1990. С. 89.

⁶² Смирнов И.И. Указ. соч. С. 45.

⁶³ Кардашов И.Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI веке. Нальчик, 1972. С. 33. Стоит отметить, что сложившаяся ситуация целиком и полностью отвечала интересам крымских татар. Выполняя волю своего сюзерена, крымские ханы удовлетворяли и собственные потребности, так как основу экономики Крыма составляли набеги на сопредельные территории с целью грабежей и продажи захваченных пленных. См.: Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 46.

⁶⁴ Греков И.Б. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII веках: Сб. ст. М., 1979. С. 302.

⁶⁵ Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI века). М., 1986. С. 6.

⁶⁶ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. М., 1946. Т. 1. С. 36–37.

⁶⁷ Весной 1524 г. вассалитет от Османской империи признал казанский хан Сагиб-Гирей, объявив Казань «юртом» Сулеймана Кануни. Вероятно, это дало основание султану Сулейману, в 1529 г., в письме к польскому королю Сигизмунду II Старому, включить в свой титул земли «Дешт-и-Кипчак» – «властелин и султан кипчакских степей». Такой титул носили ханы Золотой Орды. Подобного рода претензии султана означали вассалитет Крыма и Казани, но не Астрахани. Сначала крымские ханы узурпировали титул ханов Золотой Орды. Султан Сулейман, не очень разбираясь в наследственно-династической расстановке сил в Дешт-и-Кипчак, присваивал себе этот титул через своего вассала крымского хана. См.: Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 112. Тем не менее реальная зависимость татарских ханств Поволжья от Османской империи в течение

Взаимоотношения между Русским государством и Османской империей из формально мирных превратились в сдержанно враждебные. Эта перемена напрямую связана с активизацией восточноевропейской политики Османской империи, которая провозглашением своего сюзеренитета над Крымом и Казанью показала стремление выступать в роли лидера в системе татарских ханств Восточной Европы⁶⁸. Такая перспектива неизбежно вела к столкновению с Русским государством, одним из важнейших направлений внешней политики которого являлось подчинение или уничтожение осколков Золотой Орды, постоянно угрожавших его восточным и южным границам. Внешнеполитический курс Османской империи и Московского государства находился в неразрешимом противоречии, так как оба государства претендовали на гегемонию в Восточной Европе, и прямое столкновение было вопросом времени⁶⁹.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что Василий III окончательно определил свое отношение к «восточному вопросу» в целом и взаимодействию по этому направлению с западноевропейскими государствами. В переписке и обмене посольствами с папой Климентом VII и императором Карлом V Василий III, подчеркивая свое стремление участвовать в антиосманском союзе, пытался выяснить конкретные детали будущего соглашения, обещая, со своей стороны, помощь против османов «войсками и деньгами»⁷⁰. Как отмечал Х. Юберсбергер, император, желая обеспечить себя союзниками на востоке и считая необходимым участие Москвы в антиосманской лиге, оказывал русским послам очень любезный прием. Именно в это время Карл V также пытался связаться с персидским шахом Тахмаспом, приглашая и его принять участие в антиосманском союзе⁷¹.

Однако сложившаяся международная обстановка и смерть Василия III не привели к каким-либо конкретным договоренностям, и переговорный процесс по созданию антитурецкой коалиции прервался почти на 50 лет. Но, несмотря на это, интенсификация связей с европейскими странами в первой половине XVI в. укрепила авторитет молодого централизованного государства. Русское государство теоретически становится потенциальным участником общеевропейского проекта – антиосманской лиги. Как справедливо отметила А.Л. Хорошкевич, роль международных отношений для развития Русского государства в этот период времени была столь велика, что внешнеполитические связи и отношения оказывали серьезное воздействие на внутреннюю политику⁷². По нашему мнению, это воздействие напрямую отразилось в формировании и развитии восточной политики Русского государства. Пока еще восточный вопрос ограничивался внутренним окружением Русского государства – Крымом и ханствами Поволжья и опосредованно был связан с Османской империей. Можно согласиться с утверждением А.Б. Кузнецова, что «восточный вопрос» в первой половине XVI в. – есть борьба за сохранение национальной независимости⁷³. Поэтому он был как никогда актуален для положения Русского государства, которое уже стало объектом и субъектом международных отношений, поэтому для выведения «восточного вопроса» на внешний уровень оставалось совсем немного времени.

Одним из первых актов семнадцатилетнего Ивана IV, взошедшего на престол, было венчание на царство. Подобным действием Иван IV подчеркивал суверенное право и претензии

первой половины XVI в. постоянно возрастала. Греков И.Б. Указ. соч. С. 289.

⁶⁸ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. С. 54.

⁶⁹ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III. Указ. соч. С. 60.

⁷⁰ 1525, апрель. Ответная грамота Великого Князя Василия Иоанновича к папе Клименту VII // Переписка пап с российскими государями в XVI в. СПб., 1834. С. 20–21; РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 1. Д. 11; Оп. 5. № 17; а также Россия и Италия: Сб. материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1902. Т. I. Вып. 1. С. 14–26.

⁷¹ Uebersbergers H. Österreich und Rußland seit dem Ende des 15 Jahrhunderts. 1488–1605. Wien, 1906. S. 184.

⁷² Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. С. 253.

⁷³ Кузнецов А.Б. Указ. соч. С. 120.

своего государства на равноправные позиции с другими европейскими странами⁷⁴. Акт венчания на царство имел не только символический, но и в большей степени политический смысл. Царь с идеологической точки зрения не может подчиняться другому царю, он должен быть полностью суверенным правителем. Процесс идеологического и правового обоснования царского достоинства московского князя начался еще в конце XV в., когда в художественной литературе настойчиво повторялась мысль, что обладателем царства можно стать не только по наследству, но и в результате завоевания⁷⁵.

Идея о царском достоинстве московского царя неизбежно должна была прийти в противоречие с продолжавшими существовать остатками Золотой Орды – Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, правители которых считали себя царями. Для того чтобы окончательно избавиться от ментальной, территориальной и юридической зависимости от Золотой Орды, следовало присоединить отдельные ханства распавшейся Орды к Русскому государству⁷⁶. Завоевав Казанское и Астраханское ханства (царства), московский государь приобрел титул «Белого царя». Кроме того, казанская и астраханская кампании воспринимались в Москве как своеобразный момент самоутверждения, возвращение статуса великого государства, полностью утраченного в результате монголо-татарского нашествия. Следовательно, завоевание Казани и Астрахани, а позднее и Сибирского ханства можно считать этапами складывания и утверждения собственной империи – территориальной наследницы Золотой Орды и духовно-культурной восприемницы византийской традиции⁷⁷.

Западноевропейские государи долгое время не признавали титула московского царя, лишь потому, что в христианском мире мог быть только один император, и это император Священной Римской империи⁷⁸. Но политическая реальность была такова, что на востоке Европы образовалось мощное государство, которое могло быть потенциальным союзником в борьбе с Османской империей. В XIII в. европейцы не задумывались над законностью титула ханов Золотой Орды, когда монголы могли стать союзниками крестоносцев на Святой земле. В 1263 г. в союзнические отношения с Ордой вступили византийский император и патриарх, тем самым титул золотоордынских царей был легитимирован. Однако легитимация Золотой Орды в Европе произошла не из-за ее союза с Византией и дипломатических связей с Венецией и Францией. Как справедливо отметил А.И. Филюшкин, «боевая мощь татарских туменов» была самым убедительным аргументом⁷⁹. Русское государство добивалось признания и включения в «ранг равных» европейским сообществом, используя и демонстрируя свои реальные и потенциальные возможности. Поэтому борьба Московского государства с остатками «постордынского мира»⁸⁰ вывела восточную политику Русского государства на новый внешнеполитический уровень.

Продвижение Русского государства на восток можно называть по-разному: и как «расширение» собственных территорий⁸¹, и как реванш-«реконквисту» за столетия ордынского владычества⁸², и как «агрессию» и «аннексию»⁸³ со стороны Русского государства по отношению к

⁷⁴ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 58–60.

⁷⁵ Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 202.

⁷⁶ Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 115.

⁷⁷ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 83. С этой точкой зрения солидарен Р.Г. Скрынников, который считает, что после завоевания Казани и Астрахани складывались предпосылки развития Русского государства по имперскому пути развития. См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 445.

⁷⁸ Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 72.

⁷⁹ Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 383.

⁸⁰ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 560.

⁸¹ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 89; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 174; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 561; Шмидт С.О. Указ. соч. С. 121.

⁸² Беккер С. Указ. соч. С. 75.

суверенным государствам. В любом случае в этом процессе Русское государство сталкивалось с интересами Османской империи. Постепенное закрепление Русского государства в Восточной Европе препятствовало притязаниям Османской империи на расширение своего фактического господства в этом регионе. Султан Сулейман вновь предпринял попытку создания антирусского союза в составе Крымского ханства и мусульманских государств Поволжья⁸⁴. Правительство Избранной Рады предприняло ответно-упредительные меры, каковыми явились соответственно завоевание Казанского, в 1552 г., и Астраханского ханства, в 1556 г. Незамедлительно укрепился политический и торгово-экономический авторитет Русского государства, но что наиболее важно – Астрахань стала опорным пунктом для продвижения на Кавказ, где в это время пытались закрепиться османы.

Эффективность внешней политики Османской империи во второй половине XVI в. базировалась на том, что, ведя вооруженную борьбу на каком-то одном направлении⁸⁵, Стамбул готовил выгодную расстановку сил и на остальных, то есть делался упор на скоординированное взаимодействие на всех направлениях, включая восточноевропейский регион. Присоединение поволжских ханств к Русскому государству имело для Османской империи драматические последствия. В планах султана Сулеймана было постепенное проникновение через Кавказ и Астрахань в Персию и Среднюю Азию, а затем расширение границ Османской империи до Индии⁸⁶. Вхождение в состав Русского государства поволжских ханств означало предел расширения Османской империи в юго-восточном направлении⁸⁷. Не случайно, что сразу же после присоединения Казани в Москву, в 1553 г., прибыло посольство из Персии⁸⁸. Сын шаха Исмаила Тахмасп I, учитывая новые политико-экономические возможности Русского государства, желал установления постоянных дипломатических отношений⁸⁹. Именно к этому времени относятся установление дружественных контактов между Русским государством и Персией, которые пока еще не носили регулярного характера, но являлись раздражающим фактором для Османской империи.

⁸³ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; Алишев С.Х. Завоевание татар Русским государством // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995; Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999; Кантелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 26; Филлюшкин А.И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 389.

⁸⁴ Согласно замыслу султана, основной ударной силой должны были стать Поволжские ханства и Ногайская Орда. Если с ногайцами крымско-турецким послам так и не удалось договориться, то Астраханское ханство к союзу присоединилось. Османская империя должна была выступать в качестве координатора и финансового донора. Кроме того, в боевых действиях против Москвы должны были принимать участие подразделения янычар и турецкая артиллерия. См.: Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 66.

⁸⁵ Г.Д. Бурдей утверждал, что Московское государство не имело во внешнеполитических планах Турции первостепенного значения, так как основные интересы Турции концентрировались на Балканах, Средиземном море и Ближнем Востоке. См.: Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962. С. 43. Возможно, территория непосредственной вотчины московских государей и не была предметом чаяний османов, но во втор. пол. XVI в. стратегические интересы Стамбула находились в Поволжье и на Кавказе. См.: Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Указ. соч. С. 124–126.

⁸⁶ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. Т. 1. С. 69–70.

⁸⁷ Кардашов И.Э. Указ. соч. С. 43.

⁸⁸ Посольские книги по связям с Персией сохранились только с 1588 г. О прибытии в Москву первого официального персидского посольства в 1553 г. писал С.А. Белокуров, который реконструировал это событие, сопоставляя летописные материалы и посольские книги по связям с народами Кавказа. См.: *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1 – 1578–1613. М., 1889. С. XII, далее: Сношения России с Кавказом.*

⁸⁹ Шах Тахмасп, правивший с 1524 по 1576 г., имел много общих черт с Иваном IV. Вступив на престол десятилетним мальчиком, первое время был игрушкой в руках кызылбашской знати. Тем не менее в дальнейшем шах смог силой обуздать как кызылбашских ханов, так и местную иранскую знать и начать череду длительных войн с Османской империей за лидерство в регионе. См.: Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Белешицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 257–258.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.